

УДК: 327.51

DOI: 10.31857/S2686673024010021

Соперничество между США и Китаем на Ближнем Востоке: последствия для региональной и глобальной политики

Н.Н. Бобкин

*Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова,
Российская Федерация 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.
ORCID: 0000-0002-0009-8699 e-mail: nnbobkin@rambler.ru*

Резюме: Недавнее соглашение между Саудовской Аравией и Ираном о восстановлении дипломатических отношений стало событием, изменившим правила игры в динамике безопасности в регионе Ближнего Востока. Тот факт, что это соглашение было заключено под эгидой Пекина, показал, что дипломатическая модель Китая для региона может быть более эффективной, чем модель США, и потенциально может привести в этом стратегически важном регионе к смене лидерства великих держав. В статье исследуется текущее состояние регионального американско-китайского соперничества, рассматриваются основные направления политики США и Китая по усилению своего влияния, анализируются актуальные аспекты в политике обеих стран в отношении государств Персидского залива, в том числе в сфере обеспечения безопасности. Обосновывается, что Ближний Восток становится важной зоной глобального соперничества США и КНР. Вашингтон уже не в состоянии продолжать поддерживать многолетний американский порядок без учета интересов конкурирующих держав, прежде всего Китая. Сделано заключение, что, хотя Соединённые Штаты остаются важным внешним игроком на Ближнем Востоке, в ближайшие годы роль Китая в этом регионе будет возрастать.

Ключевые слова: Ближний Восток, соперничество Китая и США, Персидский залив, безопасность, Саудовская Аравия, Иран, вооружённые силы США, зависимость от нефти

Для цитирования: Бобкин Н.Н. Соперничество между США и Китаем на Ближнем Востоке: последствия для региональной и глобальной политики. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(1) 18-34. DOI: 10.31857/S2686673024010021

US-China Rivalry in the Middle East: Implications for Regional and Global Policies

Nikolay N. Bobkin

*Arbatov USA and Canada Institute,
2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-0009-8699 e-mail: nnbobkin@rambler.ru*

Abstract: The recent agreement between Saudi Arabia and Iran to restore diplomatic relations has been a game-changer in the security dynamics of the Middle East. Notably, this agreement was negotiated under the auspices of Beijing, suggesting that China's diplomatic approach

in the region might be more effective than that of the US, and could potentially shift the balance of great power leadership in this strategically vital area. This article explores the current state of US-Chinese rivalry in the region, examines the primary strategies of the US and China to increase their influence, and analyzes their current policies towards the Gulf states, including security aspects. It argues that the Middle East is becoming a crucial arena for global rivalry between the United States and China. Washington can no longer maintain the longstanding American order without considering the interests of competing powers, primarily China. The conclusion is that although the United States remains a significant external player in the Middle East, China's influence in the region is expected to grow in the coming years.

Keywords: Middle East, China-US rivalry, Persian Gulf, security, Saudi Arabia, Iran, US military, oil dependence

For citation: Nikolay N. Bobkin. US-China Rivalry in the Middle East: Implications for Regional and Global Policies. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54 (1): 18-34. DOI: 10.31857/S2686673024010021

ВВЕДЕНИЕ

Поскольку в последние годы политики США всё больше внимания уделяют конкуренции с Китаем, их обеспокоенность по поводу отношений Пекина с различными странами мира также возросла. Сегодня Ближний Восток, возможно, является единственным регионом, где хеджирование рисков и интересов между мощью и интересами Соединённых Штатов и Китайской Народной Республикой наиболее заметно. В то время как Вашингтон больше внимания уделяет сотрудничеству в области безопасности и экспорта вооружений, китайское участие в первую очередь обусловлено его желанием продвигать свои экономические интересы.

У США есть несколько стратегических интересов в регионе, включая поддержание региональной стабильности, защиту своих союзников и обеспечение доступа к энергоносителям. Для достижения этих целей Америка была вовлечена в несколько региональных конфликтов, сегодня в регионе остаются военные базы и войска, которые имеют решающее значение для проведения ближневосточной политики с позиции силы.

Китай также поддерживает заметное взаимодействие с Ближним Востоком, особенно в плане торговли и инвестиций. Этот регион является ключевым компонентом китайской инициативы «Один пояс и один путь», и имеет решающее значение для энергетической безопасности. Чтобы обеспечить удовлетворение своих энергетических потребностей, Китай вкладывает значительные средства в нефтяной сектор региона. Кроме того, в последние годы Пекин всё активнее участвует в региональных конфликтах, включая гражданские войны в Сирии и Йемене.

Соперничество между США и Китаем на Ближнем Востоке имеет серьёзные последствия для региональной и глобальной политики. Вашингтон имеет тесные союзы с такими странами, как Израиль, Саудовская Аравия и Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ), в то время как Китай, поддерживая отношения со

всеми этими странами, является к тому же союзником Ирана, главным конкурентом Америки в регионе. В этих условиях их противостояние может усугубить существующие конфликты и привести к новому витку в региональной гонке вооружений. В статье анализируются некоторые факторы, характеризующие соперничество США и Китая на Ближнем Востоке, и их последствия для региона и международной стабильности.

США ТЕРЯЮТ ДОВЕРИЕ И УСТУПАЮТ ПОЗИЦИИ КИТАЮ

Во внешней политике США приоритет отдаётся Индо-Тихоокеанскому региону, который сегодня стал главной темой международной повестки американских политиков. Выбор этого приоритета не является временным или преходящим. Американские администрации последних трёх президентов озабочены решением устойчивой задачи, направленной на сдерживание растущего экономического, политического, военного и идеологического вызова, который Китай представляет гегемонии США в мире.

На данный момент Китай стал не только почти равным конкурентом Соединённых Штатов с точки зрения материального богатства и национальной мощи, но также вступил в сферу идеологической конкуренции с США. В последней Стратегии национальной безопасности Китай назван «наиболее важным геополитическим вызовом Америки», особенно с учётом того, что американские политики оценивают в качестве прямой угрозы формирующуюся в последние годы ось Пекин – Москва [1].

Китай стремится заменить американский порядок как в региональном, так и в глобальном масштабе, и идёт к этой цели, как полагают многие эксперты, путём реализации трёх последовательных «стратегий перемещения» на военном, политическом и экономическом уровнях [2]. Первоначальная стратегия была направлена на ослабление американского регионального влияния, за этим последовала попытка установить китайское региональное доминирование, а третья стратегия теперь направлена на одновременное достижение как глобальных, так и региональных целей, в том числе и не Ближнем Востоке.

У американских политиков существует также понимание того, что усилия по сдерживанию Китая непременно должны охватывать Ближний Восток. Соединённые Штаты не могут отказаться от стратегически важного региона, который является одним из центров американско-китайской конкуренции. Можно согласиться с мнением, что американская политическая элита чувствует, что её глобальное влияние и прежнее доминирование в этом регионе находятся под угрозой со стороны Китая, который расширяет свои связи с государствами Ближнего Востока, отказавшись от идеологических предпочтений [3].

Нужно учитывать и то, что Россия также на Ближнем Востоке позиционирует себя против США, соревнуясь за экономическое, дипломатическое и военное влияние, но Москва и Пекин пока не сформировали единого фронта. Китай берёт на себя ведущую роль в идеологической конфронтации по поводу западной демократии, представляя свою модель как альтернативу в регионе, где процветает автократия и патерналистское управление. Эта оппозиция либеральным и демократическим ценностям Запада находит отклик у многих местных лидеров, которые, сами, упреждая и подавляя внутренние призывы к либерализации, всё больше конкурируют за всестороннее сотрудничество с Поднебесной.

Сейчас Ближний Восток идёт вслед за растущим многополярным порядком, в котором Пекин может использовать различные экономические и политические инструменты, чтобы более сильно оказывать влияние на страны региона. Китай использует возможности, предоставляемые текущим ослаблением влияния Америки, для расширения своей гегемонии, и вероятно, уже сегодня является самым грозным противником США в регионе. Недавнее мирное соглашение между Саудовской Аравией и Ираном [4], главными союзником и противником США, заключенное при посредничестве китайского руководства, является одним из свидетельств небывалого роста влияния Пекина.

Имеет значение и то, что многие страны, преимущественно ориентирующиеся на торгово-экономические отношения с Америкой, переживают спад экономического роста. Например, уровень безработицы среди молодёжи сейчас в два раза превышает средний мировой показатель [5]. На этом фоне 61% арабской молодёжи поддерживают уход США из региона, а значительное большинство (80%), считает Китай наиболее важной страной для экономического подъёма [6]. В анализе «Арабского барометра 2021–2022» также отмечается, что во всём регионе к Китаю, как правило, относятся несколько более благосклонно, чем к США. В восьми из девяти опрошенных обществ примерно половина или более говорят, что имеют «очень благоприятное отношение к Китаю». Для сравнения, только в четырёх из девяти опрошенных стран половина или более положительно относятся к США» [7].

Говоря о падении авторитета США, можно также отметить, что на практике большинство арабских государств сейчас сталкиваются со странным феноменом совпадения общественного мнения и позиции правящих элит о необходимости уменьшить свою зависимость от бывших колониальных покровителей и расширить свои отношения по всему миру. Это касается не только Ближнего Востока. В недавнем докладе Института Катона [8] отражено широко распространённое общественное и официальное недовольство американской политикой диктатора и экономическими санкциями во всём мире. В нём отмечается, что США всегда готовы вмешиваться во внутренние дела и прибегать к военному вторжению в другие страны, когда это служит их интересам.

Обращает на себя внимание и то, что Китай активно продвигает свои интересы в регионе через сеть СМИ, культурные центры и инвестиции в образование. Опросы показывают, что взгляды на эти китайские инициативы в арабском мире, как правило, положительные, и что среди населения региона наблюдается рост доверия к Пекину. Напротив, 81% арабов рассматривают Соединённые Штаты как внешнюю угрозу, в то время как только 32% воспринимают Китай как таковую [9].

Одной из причин роста антиамериканских настроений является то, что многие политические и военные действия, а также санкции со стороны Америки в последние десятилетия, дорого обошлись гражданам региона [10]. Недавние исследования показывают, что в результате американских войн на Ближнем Востоке было перемещено не менее 37 млн человек [11]. Неудивительно, что число стран, которые по-прежнему полагаются на американскую военную и экономическую поддержку, сокращается [12].

Отметим также, что быстрорастущие новые коалиции стран Глобального Юга, такие как БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) и Шанхайская организация сотрудничества, могут предоставить альтернативы мировому экономическому порядку, в котором доминируют США. В частности, они бросают вызов доллару США и создают собственные механизмы помощи в целях развития, которые сужают роль Всемирного банка и Международного валютного фонда. Некоторые государства Ближнего Востока уже стали ассоциированными членами этих организаций или стремятся к ним присоединиться [13]. Так, в августе 2023 г. на саммит БРИКС в ЮАР принято решение о расширении группы за счёт приглашения Ирана, а также трёх арабских государств: Египта, Саудовской Аравии и Объединённых Арабских Эмиратов (ОАЭ).

На этом фоне большинство стран Ближнего Востока стали проводить более гибкую внешнюю политику, которая может быть изменена или отменена в случае необходимости, как это было замечено в 2023 г. среди Саудовской Аравии, ОАЭ, Ирана, Турции, Египта, Катара и других стран. При этом эти страны проецируют свою мощь (денежную, военную, торговую и технологическую) по всему региону, в том числе путём корректировки и даже изменения давней политики, если это отвечает их интересам. С точки зрения получения в этих целях внешней поддержки от мировых держав Китай выглядит предпочтительней США, особенно в плане торговли и инвестиций.

Таким образом, Ближний Восток приближается к двойной иерархической структуре, где Вашингтон является главным гарантом безопасности, а Пекин – основным торгово-экономическим партнёром. Региональные союзники США рассматривают экономические связи с Китаем как средство достижения своих более широких целей экономической трансформации и глобальной интеграции. Однако в американском руководстве подобные усилия Китая рассматриваются

как стремление к замене Америки в качестве регионального гаранта безопасности на Ближнем Востоке.

США ОСТАЮТСЯ ЛИДЕРОМ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

За последнее десятилетие Ближний Восток изменился таким образом, что это затронуло интересы национальной безопасности США. Существующая численность войск в регионе, находится на самом низком уровне со времени терактов 11 сентября 2001 г., и Америка не участвует в активных вооружённых конфликтах [14]. Однако в настоящее время гражданские войны продолжают бушевать в Ливии, Сирии и Йемене, что приводит к сохранению нестабильности. Угроза распространения ядерного оружия растёт, в первую очередь со стороны Ирана, но также и со стороны таких держав, как Саудовская Аравия и Турция, которые, вероятно, последуют по стопам Ирана в развитии своих ядерных программ.

Любые новые военные действия или напряжённость могут подтолкнуть Китай к усилению военного присутствия для защиты своих теперь уже обширных региональных интересов. Пекин активизировал своё военное сотрудничество с Саудовской Аравией, ОАЭ и Ираном [15], стал активнее участвовать в региональных конфликтах в Сирии и Йемене, отчасти из-за желания защитить свои инвестиции и поддержать региональную стабильность. КНР становится менее робкой в отношении военного вмешательства на Ближнем Востоке.

Например, Китай неуклонно расширял военно-морское присутствие с момента открытия в 2017 г. своей первой региональной базы в Джибути, которая быстро превратилась из логистического объекта в «объект военной поддержки» [16]. В Персидском заливе в этот перечень был включён порт Халифа в ОАЭ, где Пекин, как полагают, строит более постоянное военное присутствие в рамках усилий по созданию глобальной сети военных баз и объектов материально-технического обеспечения на Ближнем Востоке, инициатива, которую китайские официальные лица называют Проектом 141.16. [17]. Развивающиеся связи в области безопасности между Пекином и Абу-Даби, с одновременным созданием китайской базы в стране, безусловно, подрывает американскую систему безопасности в Персидском заливе.

Это обсуждается в Вашингтоне, где за последние несколько лет было много дебатов о необходимости сокращения и изменения баланса военной мощи США и участия в обеспечении безопасности на Ближнем Востоке. Некоторые аналитики утверждают, что в последние годы стратегическая ценность региона и угрозы, с которыми сталкиваются Соединённые Штаты из него, уменьшились. В качестве аргументов часто указывают на то, что Америка стала энергетически независимой, Израиль обладает региональной мощью и теперь имеет тесные связи с несколькими арабскими государствами, а терроризм лучше всего рассмат-

ривать как региональную войну [18]. Сторонники такой позиции призывают Белый дом эвакуировать большую часть своих баз в регионе в течение последующих 5-10 лет, оставив менее 5 000 человек личного состава [19].

Сейчас, по оценкам отчёта, опубликованном в издании *The Military Balance* за 2023 г., на Ближнем Востоке дислоцировано около 40 000 военнослужащих США [20]. Основная часть этих сил действует в регионе Персидского залива. В Кувейте находится наибольшая доля сухопутных войск США, насчитывающих более 10 000 военнослужащих и штаб-квартиры региональной армии. Ещё 10 000 базируются в Катаре, где находится крупнейшее в мире воздушное экспедиционное крыло с тяжёлыми бомбардировщиками и другими самолётами. В Катаре на авиабазе Аль-Удейд также дислоцированы Региональное командование ВВС и региональный передовой штаб Командования специальных операций США.

Пятый флот ВМС США базируется в Бахрейне, где находится обширная военно-морская база с численностью около 4 700 человек и откуда Соединённые Штаты координируют морские операции с союзными силами. ОАЭ – ещё один важный партнёр США, обладают собственным растущим военным потенциалом и управляют авиабазой Аль-Дафра, на которой размещено 5 000 американских военнослужащих, а также разведывательные и боевые самолёты. А порт Джебель-Али в Дубае является частым портом захода военно-морских сил США. Американцы также имеют авиабазу и 2 000 человек личного состава в Саудовской Аравии.

В других точках Ближнего Востока США разместили в Иордании 3 000 военнослужащих и содержат там базу по эксплуатации беспилотников. Ещё 900 человек остаются на северо-востоке Сирии, где они взаимодействуют с местными курдскими ополченцами, а примерно 2 000 остаются на базах по всему Ираку, хотя сейчас они в основном выполняют роль консультантов. Имеется небольшое количество американских военных специалистов, которые участвуют в обучении военнослужащих в Ливане. Кроме того, по состоянию на декабрь 2022 г. Министерство обороны США нанимало около 22 000 подрядчиков по всему региону, из которых около трети были американскими гражданами [21].

Дополнительно американское военное участие в регионе расширяется за счет программ военной помощи и продажи оружия. После Кэмп-Дэвидских соглашений 1978 г. США ежегодно предоставляют Израилю более 3 млрд долл. в виде военной помощи, предназначенной для поддержания его «качественного военного преимущества», в то время как Египет получает не менее 1 млрд долл. в год, несмотря на периодические попытки Конгресса приостановить помощь из-за нарушений прав человека со стороны египетского правительства [22]. Программа продаж военной техники за границу помогает Соединённым Штатам поддерживать долгосрочные стратегические связи с регионом. В период 2018–2022 гг. США обеспечили продажи в Саудовскую Аравию почти на 18 млрд долл., в ОАЭ – на 6 млрд

долл., в Египет – на 5 млрд долл., в Кувейт – на 3 млрд долл., 2 млрд долл. Иордании и более 1 млрд долл. Катару [23].

Отметим, что неспособность администрации Байдена возродить к концу 2023 г. Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) приблизила Иран к тому, чтобы стать пороговым ядерным государством. Поскольку США продолжают переключать свое внимание на Китай и усиливать внимание к России, страны Ближнего Востока будут опираться на свои собственные зарождающиеся усилия по противодействию иранскому влиянию и дестабилизирующей деятельности через региональные механизмы, а также через новые международные партнёрства, преимущественно с КНР.

Как видно, в любом случае значительное сокращение Вашингтоном военной мощи или обязательств США в области безопасности в настоящее время представляется маловероятным. Проще говоря, Соединённым Штатам в то время, когда региональные игроки стремятся к большей стратегической автономии в многополярной системе, не хватает политических рычагов, чтобы обеспечить переход от привычного военного воздействия к дипломатическому и экономическому влиянию. Эта реальность, скорее всего, лишь ещё больше ослабляет рычаги влияния американцев на Ближнем Востоке.

Тем не менее, нужно признать, что ближневосточные страны пока больше полагаются на свой альянс безопасности с Соединёнными Штатами, чем на военное партнёрство с Китаем. Мощное военное присутствие США в регионе, проявляющееся в значительном размещении войск и экспорте американского оружия, остаётся жизненно важным сдерживающим фактором против потенциальных угроз странам региона, прежде всего со стороны Ирана.

С другой стороны, амбиции Пекина выходят за рамки экономического и технологического сотрудничества со странами Ближнего Востока. Текущая стратегия Китая направлена на то, чтобы бросить вызов сложившейся в Западной Азии архитектуре безопасности под руководством США [24]. Достижение этой цели предполагает постепенный процесс оспаривания и подрыва гегемонии США. На начальном этапе Пекин стремится разрушить основы возглавляемого Америкой регионального порядка, создавая альтернативные экономические и технологические рамки. На следующем этапе Китай, как полагают некоторые аналитики, намерен предложить комплексную альтернативу архитектуре безопасности под руководством США. Это намерение проявляется в активных усилиях Пекина по созданию военной базы в Персидском заливе, а также в заметном росте военных продаж арабским государствам [25].

В последние годы наблюдается устойчивый, заметный рост торговли оружием между Китаем и странами Ближнего Востока. Обнародование в январе 2016 г. программного документа о политике КНР в арабских странах, внесло больше ясности

в её стратегию. В нём описаны общие цели Пекина в регионе следующим образом: «достижение взаимовыгодного сотрудничества, общего развития и лучшего будущего китайско-арабских стратегических отношений и сотрудничества». В документе также конкретно упоминается необходимость активизации военного сотрудничества Китая с арабскими странами, а также «углубления сотрудничества в области вооружений, оборудования и различных военных технологий, и проведения совместных военных учений». Далее добавляется, что КНР «продолжит поддерживать развитие национальной обороны и вооружённых сил арабских государств для поддержания мира и безопасности в регионе» [26].

Таким образом, Китай сильно заинтересован во включении сотрудничества в области военной безопасности, особенно сделок с оружием и совместного производства вооружений, в качестве одного из аспектов своей общей стратегии на Ближнем Востоке. Создавая сеть партнёрств и альянсов, ориентированных на экономический и технологический порядок, Китай стремится создать сферу влияния, которая бросит вызов влиянию США в глобальных делах. Это видение охватывает не только дипломатию, безопасность и международное управление, но и распространяется на экономическую и технологическую сферы.

ЗНАЧЕНИЕ НЕФТИ В АМЕРИКАНО-КИТАЙСКОМ СОПЕРНИЧЕСТВЕ

Для Китая Ближний Восток имеет решающее значение для энергетической безопасности, поскольку он является крупным поставщиком нефти и газа в Поднебесную. Несмотря на то, что после 2022 г. Пекин всё чаще покупает иранскую и российскую нефть по заниженным ценам, энергетические отношения по-прежнему лежат в основе китайско-саудовских отношений. С 2019 г. Китай является крупнейшим покупателем саудовской сырой нефти, Эр-Рияд ежегодно отправляет в среднем более четверти своей нефти китайским импортёрам [27]. Чтобы обеспечить удовлетворение своих энергетических потребностей, Китай вкладывает значительные средства в энергетический сектор этого региона, в котором находится почти половина мировых запасов нефти, и на его долю приходится 31% мировой добычи нефти [28].

Что касается поставок нефти в Америку, то, хотя продолжающийся переход к возобновляемым источникам энергии, безусловно, в конечном итоге снизит глобальное значение Ближнего Востока, для США это вряд ли произойдёт в ближайшее время. Соединённые Штаты, возможно, больше не полагаются на ближневосточную нефть так сильно, как в прошлом, однако их союзники по-прежнему полагаются на неё, и этот регион имеет решающее значение для стабильности мировых энергетических рынков.

В Вашингтоне сложилось широко распространённое мнение, что, поскольку США теперь не являются крупным экспортёром нефти, энергетика страны

больше не уязвима для региональных событий на Ближнем Востоке. Но скачок цен на нефть в 2022 г. опроверг этот миф и напомнил американским политикам и потребителям, что нефтяная политика стран Персидского залива остаётся важнейшим элементом экономического благосостояния Соединённых Штатов, по крайней мере, на данный момент. В Америке растущие в связи с событиями на Украине цены на топливо усилили инфляцию, подорвали доверие потребителей и бизнеса, а также снизили рейтинги политических лидеров [29].

В 2022 г. Министерство энергетики США сообщило, что страна импортировала около одного миллиона баррелей в день из стран Персидского залива. Это составило примерно 12% от общего импорта нефти, чего было достаточно для удовлетворения 5% внутреннего спроса. Напомним, что в 2022 г. американской энергетике на долю нефти пришлось 36% общего внутреннего потребления. За ним следовали природный газ (33% общего потребления энергии), возобновляемые источники энергии (13%), уголь (10%) и атомная энергия (8%) [30].

Таким образом, хотя США достигли общей самодостаточности и сократили свою прямую зависимость от импорта, их экономика остаётся уязвимой к изменениям цен на нефть. Эта уязвимость, в свою очередь, означает, что страны Персидского залива из-за их центральной роли в управлении мировыми нефтяными рынками остаются жизненно важными для экономических интересов США. По оценкам Министерства энергетики США, ежедневно через стратегический Ормузский пролив протекает примерно 20 млн баррелей нефти [31].

Важность стран Персидского залива для мирового рынка нефти ещё больше подчёркивается их участием в ОПЕК и более крупной группе ОПЕК+, через которую они стремятся совместно управлять поставками нефти и ценами. Напомним, что группа ОПЕК+ была организована в 2016 г. в ответ на резкий рост добычи сланцевой нефти в США, которая в то время занимала долю мирового рынка и вынудила страны ОПЕК участвовать в разрушительной ценовой войне с американскими производителями годом ранее. По сути, урок для американских политиков и потребителей заключается в том, что, когда цена на нефть растёт где-либо в мире, она растёт повсюду, и поэтому развитие событий в странах Персидского залива имеет значение для «цен на заправке» США [32].

Признание этой связи стало очевидным во время визита президента США Дж. Байдена в Саудовскую Аравию в июле 2022 г., когда он пытался убедить Эр-Рияд увеличить добычу, чтобы снизить мировые цены на нефть. Байден, который ранее обещал сделать саудовскую монархию изгоем из-за нарушений прав человека, был вынужден обратиться к ней за помощью. Его просьба была отклонена, и Саудовская Аравия в октябре 2022 г. в сотрудничестве с Россией объявила о значительном сокращении добычи группой ОПЕК+ [33]. Новая динамика проявилась также на мировой арене, поскольку Европа столкнулась с проблемой поиска новых поставок нефти на фоне сокращения добычи ОПЕК+.

Некоторые правительства на Ближнем Востоке открыто игнорируют американские требования в отношении их энергетической политики и взаимодействия с Китаем и Россией. Это объясняется тем, что появившиеся после начала событий на Украине из-за резкого роста цен значительные непредвиденные доходы от нефти и газа, представляют собой для стран Ближнего Востока исключительную возможность инвестировать в будущее своего региона. По оценкам Международного валютного фонда, местные экспортёры нефти и газа получают дополнительные совокупные доходы от нефти в размере 1,3 трлн долл. США в течение следующих четырёх лет [34].

Важно и то, что возобновляющийся китайский экономический рост сопровождается растущим спросом на энергоносители, и ожидается, что в 2023 г. на долю Китая будет приходиться 60% всего роста спроса на нефть [35]. Поскольку почти половина импорта нефти в Китай в настоящее время поступает с Ближнего Востока, она остаётся основой его интересов в регионе. И действительно, в 2021 г. объём торговли Китая со странами Персидского залива достиг 330 млрд долл., а их торговля с Америкой в том же году находилась на уровне 87,3 млрд долл. [36].

На фоне меняющейся динамики торговых отношений на Ближнем Востоке Китай устанавливает экономическое и стратегическое партнёрство с растущим числом стран региона, создавая таким образом сеть союзников. Соглашения о стратегическом сотрудничестве в ряде важнейших областей, включая телекоммуникации, инфраструктуру, технологии и энергетику, в последние годы были подписаны с Ираном и его соперниками, включая Саудовскую Аравию, ОАЭ, Оман, Бахрейн, Кувейт, Египет и другие [37].

Ближний Восток быстро становится краеугольным камнем нового китайского механизма экономического развития «Один пояс – один путь», колоссального международного инфраструктурного проекта, который состоит из сочетания инициатив в области развития и инвестиций, стремящихся связать Восточную Азию с остальным миром [38]. По сути, это стратегия экономического развития, направленная на улучшение региональных связей и сотрудничества через зоны свободной торговли, а также на ускорение торговли и инвестиций путём создания новых экспортных рынков для Китая.

В настоящее время проектом «Один пояс – один путь» охвачено более 100 стран, что означает глобальное выражение китайского экономического, культурного и политического влияния [39]. Напористая траектория Пекина только ускорилась после того, как президент Си Цзиньпин официально пришёл к власти в 2013 г., определив свою миссию как «великое возрождение китайской нации». Си формально отказался от дипломатического пути Китая, «сохраняющего сдержанность», и вместо этого стремится к активной дипломатии и политике безопасности в интересах Китая [40].

Для ближневосточных стран имеет значение то, что китайские инвестиции, как правило, не связаны с правами человека (как, напротив, иногда бывает с соглашениями США), что делает их особенно привлекательными для лидеров многих стран региона. Действительно, большая часть действий Китая руководствовалась принципом невмешательства во внутренние дела и стремлением не нарушить преобладающие авторитарные и патриархальные политические системы. Такой подход Пекина к расширению экономических отношений может сигнализировать о более смелой форме дипломатии под руководством президента Си Цзиньпина в форме преднамеренного миротворчества [41].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ближний Восток становится важной зоной стратегического соперничества США и КНР, а это означает, что будущее региона неразрывно связано с результатом стратегического соревнования между двумя великими державами. Хотя они всё ещё имеют общие интересы в некоторых региональных делах, подход Соединённых Штатов заключается в том, чтобы вытеснить Китай путём оказания давления на своих союзников, но сегодня такая политика не является эффективной. Вашингтон не в состоянии продолжать поддерживать многолетний американский порядок в регионе без учёта интересов конкурирующих держав, прежде всего Китая, а также России.

Текущие отношения между Соединёнными Штатами и странами Ближнего Востока, за очевидным исключением Израиля, неустойчивы. Арабский мир в целом движется в сторону большей неопределённости и меньшей подверженности глобальному влиянию, пытаясь ограничить свои союзные отношения с Америкой и присоединиться к другим регионам, ориентируясь на новую динамику XXI века. Именно поэтому страны Персидского залива приложили все усилия, чтобы сформировать новый региональный порядок, который даст Китаю большую роль в политических, экономических, энергетических и, во всё большей степени, вопросах безопасности. Попытки Пекина сбалансировать свои отношения с Израилем, странами Персидского залива и Ираном создают свои собственные вызовы – эти государства часто находятся в напряжении друг с другом.

В свете как возможностей, так и проблем, которые порождает развивающееся китайско-американское соперничество, региональные игроки стремятся активно использовать преимущества этого соперничества великих держав, осторожно хеджировать стратегическую неопределённость и использовать враждебность между США и КНР. Саудиты, например, вырабатывают то, что они называют «полицентрическим подходом к региональным делам», при котором США остаются важным партнёром в области безопасности, но не единственным. Саудовско-

иранское соглашение, заключённое в марте 2023 г. при посредничестве и поддержке Китая, является примером сознательных усилий по отказу от старых правил взаимоотношений с Вашингтоном.

Таким образом, хотя Соединённые Штаты остаются важным – даже самым важным – внешним игроком в регионе, в ближайшие годы многие страны Ближнего Востока будут сочетать свой сбалансированный и прагматичный подход к внешней политике с более активным дипломатическим присутствием в мировых делах. Несмотря на растущую многополярность в международной геополитике или благодаря ей, они будут продолжать играть важную роль в качестве ключевых собеседников между США, Китаем и Россией.

В последние годы в политике Ближнего Востока произошли значительные изменения, и её трудно рассматривать с точки зрения упрощённой бинарности прошлого. Что интересно видеть, так это растущее влияние Китая в регионе и его способность развивать прочные связи как с Ираном, так и со странами Персидского залива.

ИСТОЧНИКИ

1. National Security Strategy. The White House. October 12, 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>. (accessed: 27.10.2023).

2. Lubold Gordon and Strobel Warren. Secret Chinese port project in Persian Gulf rattles relations with UAE. *The Wall Street Journal*. November 19, 2021. Available at: <https://www.wsj.com/articles/us-china-uae-military-11637274224>. (accessed: 27.10.2023).

3. Americans See China as Biggest Security Threat, What's News. *WSJ Podcasts*. December 02, 2021. Available at: https://www.wsj.com/podcasts/whats-news/americans-see-china-as-biggest-security-threat/843ac88b-0384-4b9c-81b5-487faa6bb091_ (accessed: 27.10.2023).

4. Jingxi Mo. Saudi-Iranian reconciliation hailed. *China Daily*. April 07, 2023. Available at: <https://global.china-daily.com.cn/a/202304/07/WS642f0043a31057c47ebb8b94.html> (accessed: 27.10.2023).

5. Young People Address Challenges and Explore Opportunities of Transition from Learning to Employment in the Middle East and North Africa. UNICEF. May 23, 2022. Available at: <https://www.unicef.org/mena/press-releases/young-people-address-challenges-and-explore-opportunities-transition-learning> (accessed: 27.10.2023).

6. Arab Opinion Index 2022: Executive Summary. Arab Center Washington DC. January 19, 2023. Available at: <https://arabcenterdc.org/resource/arab-opinion-index-2022-executive-summary/> (accessed: 27.10.2023).

7. Public Views of the U.S.-China Competition in MENA. Arab Barometer. July 2022. Available at: https://www.arabbarometer.org/wp-content/uploads/ABVII_US-China_Report-EN.pdf (accessed: 27.10.2023).

8. Doug Bandow. Western Sanctimony Drives Global South Away from Supporting Ukraine. Cato Institute. February 25, 2023. Available at: <https://www.cato.org/commentary/western-sanctimony-drives-global-south-away-supporting-ukraine> (accessed: 27.10.2023).

9. The 2019-2020 Arab Opinion Index: Main Results in Brief. Arab Center for Research and Policy Studies. November 16, 2020. Available at: <https://arabcenterdc.org/resource/the-2019-2020-arab-opinion-index-main-results-in-brief/> (accessed: 27.10.2023).

10. Kavanagh Jennifer and Bryan Frederick. Why Force Fails: The Dismal Track Record of U.S. Military Interventions. Foreign Affairs. March 30, 2023. Available at: https://www.foreignaffairs.com/united-states/us-military-why-force-fails_ (accessed: 27.10.2023).

11. Vine David. Creating Refugees: Displacement Caused by the United States Post-9/11 Wars. Watson Institute. September 21, 2020. Available at: https://watson.brown.edu/costsofwar/files/cow/imce/papers/2020/Displacement_Vine%20et%20al_Costs%20of%20War%20 (accessed: 27.10.2023).

12. Younis Mohamed. Muslim-Majority Countries Doubt U.S. Motives. Gallup. April 07, 2023. Available at: https://news.gallup.com/poll/473546/muslim-majority-countries-doubt-motives.aspx_ (accessed: 27.10.2023).

13. O'Connor Tim. Why Saudi Arabia Is Following Iran to Join China and Russia's Security Bloc. Newsweek. March 29, 2023. Available at: <https://www.newsweek.com/why-saudi-arabia-following-iran-join-china-russias-security-bloc-1791326>. (accessed: 27.10.2023).

14. Lawrence J.P. US Troop Level Reduction in Middle East Likely as Focus Shifts Elsewhere. Stars and Stripes. January 14, 2022. Available at: https://www.stripes.com/theaters/middle_east/2022-01-14/centcom-central-command-drawdown-iraq-afghanistan-kuwait-saudi-arabia-4289137.html (accessed: 27.10.2023).

15. Psaledakis Daphne and Nichols Michelle. US Sanctions China-Based Network Accused of Supplying Iran Drone-Maker. *Reuters*. March 9, 2023. Available at: <https://www.reuters.com/world/us-targets-china-based-network-supporting-irans-drone-procurement-efforts-2023-03-09/> (accessed: 27.10.2023).

16. Downs Erica. China's Military Support Facility in Djibouti: The Economic and Security Dimensions of China's First Overseas Base. CNA. July 2017. Available at: https://www.cna.org/archive/CNA_Files/pdf/dim-2017-u-015308-final2.pdf (accessed: 27.10.2023).

17. Hudson John. Buildup Resumed at Suspected Chinese Military Site in UAE. *Washington Post*, April 26, 2023. Available at: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2023/04/26/chinese-military-base-uae/> (accessed: 27.10.2023).

18. Indyk Martin. The Middle East Isn't Worth It Anymore. *Wall Street Journal*. January 17, 2020. Available at: <https://www.wsj.com/articles/the-middle-east-isnt-worth-it-anymore-11579277317> (accessed: 27.10.2023).

19. Sweeney Mike. A Plan for U.S. Withdrawal from the Middle East. Defense Priorities. December 21, 2020. Available at: <https://www.defensepriorities.org/explainers/a-plan-for-us-withdrawal-from-the-middle-east> (accessed: 27.10.2023).

20. Hackett James. The Military Balance 2023. Chapter 1: The Shadow of War. London: Routledge, 2023. Available at: https://www.iiss.org/en/online-analysis/online-analysis/2023/02/chapter-1-the-shadow-of-war/?_id=BBB401A6FB80463B959DAC17BBF39BBF&_z=z (accessed: 27.10.2023).

21. Mazzarino Andrea. The Army We Don't See: The Private Soldiers Who Fight in America's Name. May 09, 2023. Available at: <https://tomdispatch.com/the-army-we-dont-see/> (accessed: 27.10.2023).

22. Sharp Jeremy M. Egypt: Background and U.S. Relations. Congressional Research Service. Updated May 2, 2023. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/middle-east/RL33003.pdf> (accessed: 27.10.2023).

23. Historical Sales Book Fiscal Years 1950–2022. Defense Security Cooperation Agency. 2022. Available at: <https://www.dsca.mil/sites/default/files/2023-01/FY%202022%20Historical%20Sales%20Book.pdf> (accessed: 27.10.2023).

24. Soliman Mohammed. The GCC, US-China tech war, and the next 5G storm. Middle East Institute, September 01, 2020. Available at: <https://www.mei.edu/publications/gcc-us-china-tech-war-and-next-5g-storm> (accessed: 27.10.2023).

25. Ningthoujam Alvite. The Middle East: An Emerging Market for Chinese Arms Exports. *The Diplomat*. June 25, 2021. Available at: <https://thediplomat.com/2021/06/the-middle-east-an-emerging-market-for-chinese-arms-exports/> (accessed: 27.10.2023).

26. Full text of China's Arab Policy Paper. China.org.cn. January 14, 2016. Available at: http://www.china.org.cn/world/2016-01/14/content_37573547.htm (accessed: 27.10.2023).

27. Mogielnicki Robert. Strong China-Gulf Energy Ties Spill into Key Regional Issues. Arab Gulf States Institute in Washington. September 14, 2023. Available at: <https://agsiw.org/strong-china-gulf-energy-ties-spill-into-key-regional-issues/> (accessed: 27.10.2023).

28. Middle East's Energy Market in 2020. Statistical Review of World Energy 2021. Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-middle-east-insights.pdf> (accessed: 27.10.2023).

29. Finley Mark and Mikulska Anna. Energy Transition, Energy Security, and Affordable Fuel: How the Energy Crisis Can Help Policymakers 'Thread the Needle.' Baker Institute for Public Policy. August 05, 2022. Available at: <https://www.baker-institute.org/research/energy-transition-energy-security-and-affordable-fuel-how-the-energy-crisis-can-help-policymakers-th> (accessed: 27.10.2023).

30. Petroleum and Other Liquids: U.S. Imports by Country of Origin. Available at: https://www.eia.gov/dnav/pet/pet_move_imp_cus_a2_nus_ep00_im0_mbbldpd_a.htm (accessed: 27.10.2023).

31. The Strait of Hormuz Is the World's Most Important Oil Transit Chokepoint. U.S. Energy Information Administration. Available at: June 20, 2019. <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=39932> (accessed: 27.10.2023).

32. Ulrichsen Kristian Coates. The OPEC+ Phenomenon of Saudi-Russian Cooperation and Implications for US-Saudi Relations. Baker Institute for Public Policy, October 18, 2022. Available at: <https://www.bakerinstitute.org/research/opec-phenomenon-saudi-russian-cooperation-and-implications-us-saudi-relations>. (accessed: 27.10.2023).

33. Holland Steve. Biden Fails to Secure Major Security, Oil Commitments at Arab Summit. July 16, 2022. Available at: <https://www.reuters.com/world/middle-east/biden-hopes-more-oil-israeli-integration-arab-summit-saudi-2022-07-16/> (accessed: 27.10.2023).

34. Annual Energy Outlook 2023, Table 11: Petroleum and Other Liquids Supply and Disposition. U.S. Energy Information Administration. 2023. Available at: <https://www.eia.gov/outlooks/aeo/data/browser/#/?id=11-AEO2023&cases=ref2023&sourcek> (accessed: 27.10.2023).

35. Horner Will. China's Demand for Oil Hits Record as IEA Raises Global Forecasts. *Wall Street Journal*. May 16, 2023. Available at: <https://www.wsj.com/articles/chinas-demand-for-oil-hits-record-as-iea-raises-global-forecasts-67daad8e> (accessed: 27.10.2023).

36. Akcay Nurettin. Beyond Oil, A New Phase in China-Middle East Engagement. *The Diplomat*, January 25, 2023. Available at: <https://thediplomat.com/2023/01/beyond-oil-a-new-phase-in-china-middle-east-engagement/> (accessed: 27.10.2023).

37. Iordache Ruxandra. Saudi Arabia Takes Step to Join China-Led Security Bloc, as Ties with Beijing Strengthen. *CNBC*. March 29, 2023. Available at: <https://www.cnbc.com/2023/03/29/saudi-arabia-takes-step-to-join-china-led-security-bloc-as-ties-with-beijing-strengthen.html> (accessed: 27.10.2023).

38. McBride James. Backgrounder: China's Massive Belt and Road Initiative. Council on Foreign Relations. February 2, 2023. Available at: <https://www.cfr.org/backgrounder/chinas-massive-belt-and-road-initiative> (accessed: 27.10.2023).

39. Sacks David. Countries in China's Belt and Road Initiative: Who's in And Who's Out. Council on Foreign Relations. March 24, 2021. Available at: <https://www.cfr.org/blog/countries-chinas-belt-and-road-initiative-whos-and-whos-out> (accessed: 27.10.2023).

40. Allison Graham. What Xi Jinping Wants. *The Atlantic*. May 31, 2017. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/05/what-china-wants/528561/> (accessed: 27.10.2023).

41. Alterman Jon B. Chinese and Russian Influence in the Middle East: Statement before the House Foreign Affairs Subcommittee on the Middle East, North Africa, and

International Terrorism. U.S. Congress. May 09, 2019. Available at: <https://www.congress.gov/116/meeting/house/109455/witnesses/HHRG-116-FA13-Wstate-AltermanJ-20190509.pdf> (accessed: 27.10.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БОБКИН Николай Николаевич, кандидат военных наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела военно-политических исследований Института США и Канады им. Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3

Nikolay N. BOBKIN, Candidate of Sciences (Military), Associate Professor, Senior Researcher Fellow Center for Military-Political Studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3 Khleby per., 121069 Moscow, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 10.11.2023 / Received 10.11.2023.

Поступила после рецензирования 22.11.2023 / Revised 22.11.2023.

Статья принята к публикации 23.11.2023 / Accepted 23.11.2023.